

Глава шестнадцатая

Немецкие военные инженеры фирмы «Хенкель» должны были перелетать из города в город на самолете, но пожелали ехать поездом по Транссибирской магистрали. Путь от Москвы до Иркутска с остановкой на сутки в Новосибирске занимал десять дней. Делегация состояла из семи человек, восьмым был заместитель военного атташе посольства Германии в Москве Отто Даме. Он отлично владел русским. Митя Родионов познакомился с ним еще в Берлине, и при встрече Даме приветствовал его как доброго приятеля, крепко пожал руку, сказал, что вот, наконец сбылась мечта детства — полюбоваться бескрайними просторами матушки России.

Немцам выделили целый поезд. Вагоны дореволюционные, первого класса. Такую роскошь Митя видел разве что в музее. Темное дерево, мягчайшая кожа, бархат, ковры, бронза, старинный фарфор и хрусталь. Были вагон-кинотеатр, вагон-клуб с роялем, вагон-бильярдная, разумеется, ресторан, да еще вагон с запасами жратвы и выпивки из распределителя ЦК.

Сопровождающих оказалось значительно больше, чем немцев. Чиновники из Наркомата авиапромышленности

и Наркомата иностранных дел, офицеры НКВД, кино-механик, пианист, повара, официанты, уборщики, врач с двумя медсестрами, охрана.

Вагоны для сопровождающих делились на три категории. В первом классе, таком же шикарном, как у немцев, ехали наркомовские чиновники и шишки НКВД. Среднему звену достался второй класс — тесноватые купе на двоих с умывальниками за раздвижными дверцами. Охрана ехала в плацкарте.

Соседом Мити был молодой переводчик из «Интуриста». Звали его Степан. Невысокий брюнет с круглыми щеками и широким женским тазом, он лил на себя столько одеколона и так обильно мазал волосы помадой, что в купе приторно пахло парикмахерской.

Митя взял в дорогу пару толстых советских журналов со статьями о расщеплении ядра урана и книжку «Электромагнитные волны в неравновесных средах», авторы Марк Мазур и Вернер Брахт. Книга была издана в Кембридже в тридцать втором году, с предисловием Резерфорда. Марк Семенович подарил Мите немецкое издание. На титульном листе написал по-русски: «Самому упрямому моему студенту, Мите Родионову».

Марк Семенович много лет носился с идеей усилителя электромагнитных волн. Идея противоречила общепринятым законам оптики и радиофизики, но это вовсе не означало, что она в принципе неосуществима. Когда Проскуров дал прочитать письмо с описанием прибора, Митя почти не удивился. Он предполагал, что рано или поздно Мазур найдет решение. В науке все так и происходит. То, что вчера противоречило догме и категорически отрицалось, сегодня допускается как вероятное, завтра принимается всеми как догма, послезавтра догма костенеет,

и очередная идея потихоньку долбит ее изнутри острым клювиком, как птенец яичную скорлупу.

Митя надеялся, что в дороге у него будет время почитать, подумать, но сосед торчал в купе и болтал без умолку о своих донжуанских похождениях.

— Старик, строго между нами. В «Национале», киноартистка одна, как зовут, не спрашивай, все равно не скажу, очень известная. Ну и вот, значит, танцуем, слово за слово, чувствую, поплыла, буферами ко мне жметя, глаза закрыла. В общем, то да се, такси, поехали к ней на квартиру, муж, само собой, в командировке, ну, я тебе скажу, прямо зверь баба, представляешь...

Голос у Степана был глуховатый, тихий, на одной ноте. Он облизывал пухлые малиновые губы, причмокивал, подмигивал. Митя кивал, качал головой, иногда бросал что-нибудь вроде: «Ну ты даешь! Здорово! Ничего себе!» А сам думал: «Собрать в пучок электромагнитные волны... пучок очень мощный... если волны можно собрать, значит, ими можно управлять, настраивать. Да, но при чем здесь разделение изотопов?»

— Ну и вот, входит она, все прям офонарели, царь-баба, я смотрю, мордаха знакомая, вроде в кино видел. Оказалось, летчица знаменитая, портреты были и в «Правде», и в «Огоньке» на обложке, и в кинохронике, конечно, показывали ее сто раз, — бубнил Степан, поглаживая себя по зализанным волосам, — в общем, втюрилась по уши, застрелюсь, говорит, жить без тебя не могу, никогда такого мужчины у меня не было.

— Вот это да! — Митя для разнообразия тихо присвистнул и незаметно перевернул очередную страницу.

«Фотон не имеет массы покоя и существует только двигаясь со скоростью 300 000 километров в секунду...

Единственная постоянная и неизменная величина в природе — скорость света. Взаимодействие излучения с веществом... Создать монохроматический луч... управлять светом...»

— А вот еще был случай, в Сочи в санатории солистка балета из Кировского, белобрысенькая, костлявая, ключицы торчат, ни кожи, ни рожи, но огонь, я тебе скажу, вообще удержу не знает.

Степана, как магнит, притягивало большое зеркало на двери купе. Он то и дело вскакивал, изучал подробности своей круглой физиономии, выдергивал пинцетом волосок из ноздри, выдавливал угорек, скалился, ковырял в зубах спичкой и продолжал бубнить одно и то же, как испорченная пластинка.

На курортах, в ресторанах, в театрах, в гостях у знакомых или просто на улице Степана подстерегали и атаковали знаменитые красавицы, артистки театра и кино, балерины, спортсменки, летчицы. Каждая прижимались к нему буферами, тащила к себе, душила в объятиях, балдела, млела, сходила с ума, втюривалась по уши, писала страстные письма с угрозами застрелиться, удавиться, отравиться.

В поезде ехали несколько молодых женщин, медсестры и официантки. Степан оценивал их по пятибалльной системе: «У той, рыженькой, фигура так себе, на троечку, а мордаха ничего, пять с минусом. У брюнетки буфера полный атас, пять с плюсом, мордаха на четыре с минусом, нос великоват, и глаза косые».

Митя хмыкал, поддакивал и думал: «Лет десять назад открыли метод разделения изотопов ртути при помощи облучения ртутной лампой. Если правильно подобрать, чем облучать уран... Теоретически возможно...

У разных изотопов одного элемента разный уровень возбуждения».

— С иностранками я ни-ни, — бубнил Степан, — ша-рахаюсь, как от чумы. Шпионки все до одной, будь она хоть Марлен Дитрих, близко не подойду.

— Точно, — кивнул Митя, не отвлекаясь от своих размышлений.

«Мохроматический луч в принципе способен на что угодно. Может он выборочно ионизировать изотопы 235? Почему нет?»

— ...Циркачка, воздушная гимнастка, гнулась во все стороны, прям узлом завязывалась, такие кренделя выдывала — вообще очуметь...

Ответных откровений Степан не требовал, хотя бы в этом повезло. На третьи сутки от одного лишь звука глуховатого монотонного голоса Мите хотелось лезть на стену. Ссориться, затыкать Степана не стоило. Ясно, почему они оказались в одном купе. Проскуров предупредил, что сосед будет обязательно бериевский барабанщик.

Переводить приходилось в основном в ресторане, из-за этого Митя почти не успевал поесть. А Степан, хоть и знал немецкий, помалкивал, кушал в свое удовольствие, поглядывал, прислушивался, явно контролировал Митю.

Митя несколько раз просил его помочь. Степан отвечал:

— Само собой, старик, мы ж вместе работаем, — подмигивал и ободряюще хлопал по плечу.

Но за завтраком, обедом и ужином все продолжалось по-прежнему. А когда возвращались в купе, опять звучала бесконечная трескотня о бабах. Митя только одного не мог понять: когда же барабанщик успевает строчить свои отчеты?

Чиновные шишки жрали и пили как приговоренные, трапезы тянулись часами. Молочные поросята, бараньи шашлыки, цыплята-табака, осетрина, семга, горы икры — все исчезало в чиновных утробах, заливалось коньяком, шампанским, водкой, а потом еще торты, фрукты. Немцы ели спокойно, без жадности, только на икру налегали. Никогда ее раньше не видели в таких количествах. Пили умеренно, Отто Даме отказывался от мяса и не прикасался к спиртному. Даже за здоровье товарища Сталина и за здоровье фюрера позволял себе поднимать бокал с водой.

К полуночи немцы уходили в свой спальный вагон, и тогда начиналось настоящее свинство, с матом, игрой в дурачка, плевками на ковер, похабными анекдотами.

Утром к завтраку начальство являлось опухшее, вялое, тарасило налитые кровью глаза. Немцы выглядели куда бодрее. Митя слышал, как они тихо обмениваются насмешливыми репликами: «Загадочная русская душа... Светлые идеалы коммунизма... Царский поезд...»

За окнами проплывали заснеженные поля, леса, деревни. На станциях поезд останавливался редко и только ночью. Если какой-нибудь немец вылезал на пустую платформу размяться, подышать и пошпионить, он видел лишь фасад вокзала, гигантскую скульптуру Сталина, смутные силуэты обходчиков, огни семафоров.

В Новосибирске немцев встретила лютая вьюга и паника городских чиновников. Дорогу от вокзала до гостиницы не успели расчистить, проехать на автомобилях было невозможно. Делегацию возили на санях. Немцам приключение нравилось.

Снег прикрыл убожество немощеных улиц и рабочих бараков заводского жилгородка. Авиазавод имени Чкалова был огромный, со множеством корпусов и цехов. Для нем-

цев, конечно, устроили показуху, и они это сразу поняли. Директор дрожал, заикался, увиливал от прямых ответов, с механическим воодушевлением рассказывал о грандиозных достижениях и еще более грандиозных планах. Митя со злостью ловил снисходительные улыбки немцев.

Завод выпускал в основном истребители И-16, гордость советской авиации. Немцы преувеличенно восхищались маленькими тупомордыми «Ишачками», осматривали новый цех бомбардировочной авиации. Митя вдруг увидел все это их глазами, и стало страшно. Он догадывался, что наши секретные военные заводы показывают немцам по личному распоряжению Сталина. Цель — убедить их в нашей военной мощи. Смотрите, какая огромная страна, сколько мы производим оружия! Но эффект получался обратный. Невозможно было скрыть, что оборудования, грамотных рабочих, технологов, инженеров не хватает, что станки собраны кое-как. Рабочие испуганно тарасились на гостей, отвечали односложно, пытались поскорей удрать, спрятаться. И еще — от них плохо пахло. Митя знал, что в рабочих бараках нет водопровода, а поблизости ни одной бани и прачечной.

В качестве главного инженера немцам представили парня лет двадцати пяти, он был белый как бумага и говорил лозунгами: «Родная партия и лично товарищ Сталин... Отецеская забота... Выполним, перевыполним... Повысим качество продукции...»

Митя услышал, как один из визитеров, склонившись к уху Даме, прошептал:

— Кажется, этот юноша от волнения обмочился.

Даме в ответ скорчил печальную рожу, подмигнул:

— Трудности технические, кадровые, психологические, гигиенические.

Митя рад был вернуться в поезд. Степан сразу залег спать. Прихватив книжку, Митя выскользнул в коридор, долго стоял у окна. Вьюга кончилась, тучи разбежались. В лунном свете мягко покачивались сизые волны заснеженной тайги. Лиловое небо отливало бирюзой, мигали редкие звезды. Он попытался читать, но не мог успокоиться, в душе кипели стыд, злость, страх. Лицо морщилось, губы едва заметно шевелились. Он бормотал про себя: «Это моя страна, нищая, грязная, средневековая, но моя. И нечего ухмыляться! Высшая раса, сверхчеловеки! Еще поглядим, чья возьмет!»

— Бескрайние просторы, великая Сибирь, — произнес вкрадчивый голос по-русски, с легким акцентом.

Митя вздрогнул. Даме подошел неслышно, встал рядом, пропел приятным баритоном:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Митя ничего не ответил, только заставил себя растянуть губы в резиновой улыбке. Даме взял книжку из его рук, прочитал вслух название, имена авторов, покачал головой:

— Увлекаетесь физикой? Вот уж не думал.

Митя молча кивнул, хотел забрать книжку, но это было бы невежливо. Даме открыл первую страницу. Его подвижное лицо на мгновение застыло. Он пристально взглянул Мите в глаза, тихо, вкрадчиво заметил:

— Дарственная надпись, автограф автора.

— Одного из авторов, — уточнил Митя.

— Значит, физика не просто увлечение, вы учились у профессора Мазура. Как он поживает?

— Вы разве с ним знакомы?

— Лично не знаком, но имя достаточно известное. — Даме отбил пальцами дробь по стеклу. — Школа Резерфорда. Любопытно, как складываются судьбы ученых такого уровня тут, в СССР?

— Нормально складываются, все в порядке, — быстро пробормотал Митя.

— Не сомневаюсь, что ученые в Советском Союзе пользуются всеми возможными привилегиями, уважением и почетом, — с иронической важностью произнес Даме и добавил чуть тише: — Ну, а все-таки, как дела у вашего старого учителя? Какие премии успел получить? Какие открытия сделал? Руководит кафедрой или институтом?

— Не знаю, — Митя пожал плечами, — очень давно его не видел.

— И публикациями не интересовались?

— Да так как-то...

— Но книжку взяли с собой в дорогу.

— Под руку попалась, хотел подтянуть немецкий, заодно физику вспомнить.

— Понятно, — кивнул Даме, — физика сейчас на взлете. А вот своих старых учителей забывать нехорошо.

— Согласен, — Митя вздохнул, — нехорошо.

Из купе высунулась голова Степана в сеточке для волос, покрутилась, как локатор, засекала Митю и Даме и тут же спряталась.

— Внимательный у вас сосед, — заметил Даме с сочувственной усмешкой. — Книжку не одолжите почитать? Мне тоже захотелось вспомнить физику.

— Но ведь это не арийская физика, — заметил Митя все с той же резиново-любезной улыбкой.

Даме тихо рассмеялся и потрепал его по плечу.

— Бросьте, Дмитрий, мы с вами люди здоровые. — Он сунул книжку в широкий карман вязаной куртки. — Обещаю вернуть на обратном пути.

— Хотите оставить меня в дороге без чтения? — Митя из последних сил старался сохранять спокойствие.

— Предлагаю обмен. — Даме подмигнул. — У меня с собой Эрнст Юнгер «В стальных грозах», самая популярная книга в Германии.

— Популярнее «Майн кампф»? — выпалил Митя и прикусил язык.

Даме пропустил неосторожную реплику мимо ушей, принялся нахваливать Юнгера:

— Мемуары о Первой мировой, увлекательней любого романа. Не оторветесь, уверяю вас. Абсолютный эффект присутствия. Поверьте бывшему фронтовику, самая честная книга из всех, что написаны о войне. Это вам не унылый пацифизм Ремарка.

«Ремарк пишет в сто раз лучше твоего Юнгера», — подумал Митя и произнес с вежливой улыбкой:

— Я читал Юнгера, когда был в Берлине.

— Да? — Он поднял брови. — Ну что ж, приятно слышать. Знаете, лично я во второй раз перечитал с еще большим удовольствием. Сначала проглатываешь страницы, а потом спокойно, не спеша, смакуешь детали. Возьмите, очень советую.

— Нет, спасибо. — Митя покраснел и отвернулся.

— Опасаетесь внимательного соседа? — Даме кивнул в сторону купе.

— С чего вы взяли?

— Мания преследования. — Даме вздохнул. — Национальная черта или временное помешательство?

— Это вы о Германии? — угрюмо, сквозь зубы, спросил Митя.

Даме хмыкнул.

— Я все думал, почему вы мне так симпатичны? Что между нами может быть общего? Оказывается, радиофизика. Вы учились у профессора Мазура, а я слушал курс лекций профессора Брахта в Берлинском университете, посещал его семинар. И тоже, как вы, забыл старого учителя. Книжка — повод вернуться к славным временам студенческой юности. — Он скорчил печальную физиономию, поднял домиком белесые брови. — Ну, Дмитрий, прошу вас!

— Ладно, берите. — Митя вздохнул.

А что оставалось делать? Книжка уже лежала у Даме в кармане. Оттуда не вытащишь.

Вернувшись в купе, он долго не мог уснуть. Степан ворочался на нижней полке, похрапывал. Стук колес не успокаивал, наоборот, звучал тревожно. Митя пилил себя: зачем вылез с книжкой в коридор? Почему Даме так в нее вцепился? Какой черт вообще принес его в чужой вагон? Не надо было отдавать. Но ведь это невежливо. А вдруг не вернет? А вдруг Брахт уже что-то почуял про изотопы урана и Даме специально послали в Иркутск?

«Конечно, Даме шпион, — размышлял Митя, — но какое им дело до Мазура? Как могли узнать, где он сейчас? Неужели Брахт навел? Допустим, к ним просочилась информация, что Мазура посадили. Но о ссылке в Иркутск пронюхать невозможно. О его успехах с прибором — тем более. Он ведь не случайно отказался писать в официальные инстанции, передал письмо в надежные руки. Нет, конечно, ни о Мазуре, ни о приборе они знать не могут. Зато об урановых месторождениях в Восточной Сибири им известно. Вернадский составлял геологические карты еще до революции, раздобыть их легко».